

Бойко Наталия Семёновна

д-р ист. наук, профессор

Кузнецов Алексей Андреевич

аспирант, ведущий специалист

ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный
педагогический университет им. И.Н. Ульянова»

г. Ульяновск, Ульяновская область

МАТРИЦА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ СИМБИРСКА С XVII ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

Аннотация: в статье предпринята попытка рассмотреть город Симбирск через его социально-культурную среду, т.к. в рассматриваемый период он был городом, реализующим в государственном смысле функцию административного центра, а в социально-экономическом аспекте – местом, куда стремились попасть и закрепиться наиболее успешные торговцы, предприниматели, служащие, чиновники с довольно большой территории. При этом первичную базу населения Симбирска с XVII века составили «служилые люди» – военные и администраторы. Несмотря на отход оборонительных функций города на второстепенный план, культурная и ментальная характеристика именно этого социального слоя составила ту матрицу социокультурной среды Симбирска, в которую затем встраивались последующие переселенцы.

Ключевые слова: крепость, Симбирск, губернский центр, Самарская губерния, административный центр, предприниматели, служащие, чиновники, культура, менталитет.

Симбирск в рассматриваемый период был городом, реализующим в государственном смысле функцию административного центра, а в аспекте социально-экономическом – место, куда стремились попасть и закрепиться наиболее успешные торговцы, предприниматели, служащие, чиновники с довольно большой территории. При этом первичную базу населения Симбирска с XVII века составили «служилые люди» – военные и администраторы. Несмотря на отход

оборонительных функций города на второстепенный план, культурная и ментальная характеристика именно этого социального слоя составила ту матрицу социокультурной среды Симбирска, в которую затем встраивались последующие переселенцы.

Культура и мировоззрение служилых людей и дворян в дальнейшем оказала значительное влияние на складывание городской среды Симбирска (Симбирской губернии), и даже на современном этапе развития города Ульяновска (Ульяновской области) прослеживаются обусловленные ими черты, формирующие специфику современного города Ульяновска относительно соседних городов Поволжья. Прежде всего – это такие мировоззренческие черты как строгое следование приказу, характерные для военных и администраторов, а также определенную консервативность взглядов, приоритет долга перед выгодой и слабую расположенность к коммерции, торговле и умению договариваться или «рядиться». Традиционные социальные слои (дворяне, духовенство, крестьяне, купцы, ремесленники и др.) дополнялись новыми сословиями, свойственными буржуазному обществу, такими как цеховые, предприниматели-капиталисты [1].

Так, по данным за 1888 год в Симбирске проживало 39 744 человека, в 1897–43 298 человек [2].

К концу XIX века процент городских жителей Симбирска увеличился на 7%. При этом сразу в глаза бросается значительное отличие Симбирска от соседних городов – в структуре его населения. Из них 8,8% процентов дворян, 1,8% купцов, 1,4% почетных граждан, 11% крестьян и 57,5% мещан. На фоне соседних волжских городов Симбирск значительно отличался долей дворянства: 8.8% (в Самаре и Саратове их доля составляла около 3%) и практически самой низкой в Среднем Поволжье долей крестьян, которая в Саратове доходила до 49–50%, а в Самаре была чуть менее 20% [3]. Ввиду такового разделения и малой доли занятого в предпринимательстве населения, общие городские доходы Симбирска, оборот капиталов и уровень жизни росли ощутимо медленнее соседей. Городские ярмарки, при том, что Симбирск наряду с Нижним Новгородом являлся одним из крупнейших центров ярмарочной торговли в Поволжье в рассматриваемом

периоде, не обеспечивали достаточного стабилизирующего противовеса, хотя безусловно содействовали развитию целостного информационно-культурного пространства [4].

В таких социальных реалиях Симбирск вступает в период его становления как целостного городского образования, пришедшийся на 1864 – 1910 года, когда происходила вторичная застройка города после пожара 1864 года, который уничтожил более двух третей застройки (однако данная застройка по большей части восстанавливала существовавшую структуру) и когда город под действием сил индустриализации и реформ второй половины XIX века расширял и углублял свою среду путем поглощения пригородных слобод и претерпевая трансформацию инфраструктуры. Дворянско-чиновничья, «служилая» ментальность распространялась на протекающие в городе процессы. А.О. Липинский в середине XIX века писал, что обстановка города, состав его населения, а также влияние экономических и исторических условий на быт жителей, дают возможность разделить город на три части, резко отличающиеся одна от другой, а именно: а) на дворянскую, б) на торговую и в) на мещанскую [5].

Эти «резкие различия» наблюдаются вплоть до настоящего времени. С одной стороны это обусловлено сословным делением, но с другой мы наблюдаем типичное для Симбирской повседневности стремление к стабильности и следованию установленным порядкам. Человек, разбогатев и получив патент купеческой гильдии или звание почетного гражданина стремился переехать в соответствующую его статусу часть города скорее, чем улучшать принадлежащую ему часть городского пространства, т.е. недвижимости. Высотный силуэт городского пространства целиком и полностью формировался невероятным даже для своего времени количеством куполов и иных культовых сооружений [6].

Наблюдаемый обывателями облик города менялся главным образом за счет увеличения объема храмового строительства. В ментальном и культурном смысле это вполне согласуется с идеей долга, дополняя городскую повседневность символами смирения и спокойствия, при этом постоянно наполняя её как колокольным звоном, хронометрирующим симбирскую жизнь, так и

созерцанием представителей духовенства, которого было довольно много: в начале XX столетия в пределах Симбирска находилось три собора, два монастыря, двадцать одна приходская и двадцать пять домовых церквей, десять часовен, лютеранская церковь, католический костел и две мечети [7].

С другой стороны, дворянская культура способствовала тому, что в городе довольно долго – до восьмидесятых годов XIX века сохранялась структура городской усадьбы. Кроме того, в городе устраивались общественные сады, бульвары. Именно в «дворянской» части города, которая ограничивалась Венцом, верхними частями Дворцовой, Панской, Сенной, и Московской улиц и частью Большой Саратовской улицы появляются такие объекты инфраструктуры, которые своей функцией имеют в основном украшение: кованые ограды бульварных скверов, памятники, скамьи, даже уличное освещение осуществляется фонарями, украшенными ковкой. В остальных частях города освещение осуществлялось более дешёвыми фонарями, а инфраструктура носила глубоко практический характер: водопровод, дороги и т. п. Причем мощные проезжие дороги появляются в городе также поначалу в центральной «дворянской» его части, одновременно с площадями, находящимися в этой зоне, а обустройство остальных улиц происходит со значительным опозданием, устройство же тротуаров на некоторых так и не было произведено до советской эпохи.

Начиная с середины XIX века, архитектура городского жилья становится центральной темой и главным фактором изменения городского пространства. В Симбирске её развитие происходит в рамках матрицы городской усадьбы вплоть до конца XIX столетия, новые типы домов, характерные для России данного периода – доходные дома, – не оказывают существенного влияния на облик города и стараются вписываться в существующую среду. Видоизменение российского провинциального города в пространстве представляло собой результат совместного воздействия географических (природных), научно-технических и социокультурных факторов во всем их многообразии. Это привело к образованию системы, обеспечивающей трансляцию культуры в её своеобразии, во многом повлияло на складывание уникальной среды города и его облика [8].

В Симбирске переход от культуры села к общественному порядку, характерному для городов начала XX века происходит не через индустриализацию и предпринимательство, а через усвоение ценностей новой культуры, входящей в город сверху (административные реформы, указы) или из среды других регионов (банковская деятельность, развитие железных дорог). Менталитет Симбирян создавался во взаимодействии ментальности различных слоев, своеобразным ориентиром выступало довольно многочисленное по сравнению с соседними городами дворянство.

Проходившие в Симбирске ярмарочные торги, способствовали росту социальных связей, однако превращали город в центр торговли только на время ярмарок, не став катализатором резкого развития местного купечества.

В сознании горожан данного периода представление о городском пространстве задается их повседневной жизнью, в которой большое значение по-прежнему уделяется социальной среде, сохраняется осязаемая пространственная дифференциация, привязанная к статусному разделению. При этом изменение ментальности в части увеличения значимости богатства над происхождением не меняет пространственную структуру города за счет улучшения качества жизни иных районов, сохраняется стремление горожан к центру, который обустроивается в первую очередь, и данная тенденция продолжается и в настоящее время. Следует отметить, что роль окраин крайне важна в эволюции городского пространства крупных экономических центров России и ее регионов. С наплывом населения в города во второй половине XIX в. пригородные территории постепенно меняют свои функции, превращаясь из выгонной земли или промышленных районов в новые селитебные зоны. Городское хозяйство многих губернских центров не было рассчитано на столь быстрое увеличение численности населения. Городская дума периодически отказывала мещанам в предоставлении участков под жилые постройки ввиду дефицита свободных участков земли в городской черте и отсутствия размежеванных участков за ее пределами. В этих условиях уже в 1870-х гг. жилые районы города в виде новых слобод и поселков стали выходить за городскую черту, обозначенную планом, нередко стихийно и

беспорядочно. Однако именно стихийные пригороды оказали значительное влияние на городское пространство крупного губернского города Поволжья второй половины XIX – начала XX в. и вскрыли системные проблемы его развития. Окраины Симбирска начала XX века по благоустроенности также мало чем отличались от сельской местности [9].

Заволжские слободы Симбирска – Часовня, Канава и Крольчиха отличались ярко выраженной сельскохозяйственной деятельностью их жителей и сельским укладом жизни [10].

Вместе со слободой Туть на р. Свияге, где проживали в основном отставные офицеры [11], на 1913 год население слобод составляло примерно 8 тыс. человек [12]. Другую часть окраин Симбирска составляла бедная часть города, расположенная на побережье Свияги [13].

Чтобы решить проблему хаотичной застройки городских окраин, власти с 1890 г. начали разбивать кварталы в продолжение регулярной планировки города, с одним лишь отличием, что они были вдвое уже городских кварталов. Стихийный рост городских окраин был отражением естественного процесса развития городской территории крупного губернского города в условиях быстрорастущего населения, недальновидности власти в планировании города и неспособности оперативно справиться с наплывом внутренних мигрантов и решить проблему перенаселения. Стихийные пригороды обладали рядом характерных черт: – пришлое население оседало на городской земле в районе промышленных объектов, обычно вблизи мельниц, кирпичных заводов, скотобоен и прочее.

С одной стороны, такое расположение было логистически удобно для посещения города, так как с важными промышленными предприятиями были налажены пути сообщения, с другой стороны, те же предприятия обеспечивали местное население работой; – на периферии города оседало преимущественно крестьянское население из соседних уездов, уходившее в город на заработки. Этот фактор ускорил процесс взаимопроникновения города и деревни, что в конечном итоге приводило к мощным социальным сдвигам: падению авторитета общины, кризису ценностных ориентиров и, как следствие, массовому проявлению

девиантного поведения среди бывших крестьян; – стихийные пригороды не подчинялись регулярной планировке города.

В связи с этим окраины были выстроены хаотично, что придавало поселениям сельский вид, а скученность строений приводила к частым пожарам и негативно влияла на санитарно-эпидемиологическое состояние районов; не благоустроенность поселков и влияние промышленных объектов на окружающую среду делали санитарное их состояние крайне неблагоприятным для проживания. Загрязнение воды, почв, едкий запах приводили к постоянным вспышкам заболеваний. Нелегальные поселки создавали целый комплекс проблем для городского общества: неуплату аренды, занятие необходимых городу земельных участков, вспышки болезней, обострение криминогенной ситуации [14].

К концу столетия местность под названием Кирпичные сараи была головной болью городских властей и наводила ужас на добропорядочных симбирских обывателей. Чтобы избежать упреков в сгущении красок, обратимся сразу к свидетельствам того времени. В 1895 году петербургский журнал «Мир Божий» писал со ссылкой на казанскую газету «Волжский вестник»: «Волжский вестник» сообщает удивительные вещи: оказывается, что в губернском городе Симбирске есть люди, живущие в буквальном смысле в норах, и таких человеческих нор в этом городе насчитывается около 150-ти. О существовании этих землянок городская дума узнала в 1884 году и запретила строить их вновь. Но к тому времени землянок было уже 150, и многим из них было уже более 10 лет, так что городская земля под ними легко могла перейти в собственность хозяев. Поэтому дума постановила наложить арендную плату за землю на хозяев землянок и дала срок аренде 10 лет, рассчитывая, что за эти 10 лет землянки сами собою куда-нибудь исчезнут. Но расчеты думы не оправдались. Санитарные условия этих землянок, по словам корреспондента, находятся в самом невозможном состоянии. Помимо того, что норы находятся в земле, а следовательно в них всегда сыро, в них всегда мало и воздуха, и света, они невелики, да и окон в них всегда лишь одно-два, да и то маленькие и обращенные не «на белый свет», а в другой край ямы, где, может быть, в двух-трех шагах помещается другая подобная же землянка [15].

Население составляет, конечно, самый последний отброс города, а потому беднота и связанная с нею грязь и невежество здесь господствуют так, как, кажется, нигде в городе. И хорошо, если бы в таких норах жило немного народа; но дело в том, что многие из них переполнены до крайности. Там, где едва было бы достаточно места для одного-двух человек, здесь, помимо семьи хозяина, живут еще квартиранты, которым сдаются тот или иной свободный угол. Теснота и духота поэтому здесь невозможные.

Зимой землянки полностью покрывались снегом, жители постоянно вынуждены их откапывать. Во время весенних паводков сами помещения землянок нередко оказывались затопленными, на улицах района паводковая вода долгое время стояла громадными лужами «с водою, пропитанною массою человеческих экскрементов, помоев и всяких отбросов из землянок. Почва пропитывается этой грязью, а потому Бог знает, что здесь делается летом во время жаров» [16].

Как писал П.Л. Мартынов, «местность, называемая «кирпичные сараи», находится на северной окраине города Симбирска и занимает весьма обширную площадь». Она начиналась от улицы Новая линия (ныне Кролюницкого) и простиралась на север близ «новых казарм» (район улицы Тухачевского) и далее. Собственно, за Новой линией, появившейся в 1898 году, городской застройки и улиц уже не было. На современном плане города северной границей Кирпичных сараев можно примерно считать улицу Симбирскую. На западе их ограничивала Казанская дорога (проспект Нариманова), на востоке Кирпичные сараи доходили до «дороги в деревню Поливну по нагорному берегу Волги. Название этой местности загадки не представляет: заводы по производству кирпича в старину называли «кирпичными сараями». Кирпичные заводы всегда размещались на окраине, но ведь и границы города постоянно раздвигались. По мере роста города «кирпичные сараи» переносились все дальше на север: в район улиц Лосевой (Федерации), Ново-Казанской (Гагарина). Новые кирпичные заводы строились за городом, к востоку от Казанской дороги. Здесь, на обширной пустоши, имелось и сырье – глина, и место для производства, а готовую продукцию было удобно доставлять в город. Применявшаяся технология мало изменилась со времен

основания Симбирска. В глинистой почве копалась яма (гнездо) глубиной 2–3 метра. Размеры гнезд различались, но должны были быть достаточными для работы нескольких человек и лошадей. Непосредственно в яме глину смешивали с песком и водой, а затем мяли с помощью лошадей. Приготовленную глину выносили в сарай, где на станке в виде деревянной рамы из нее изготавливались бруски. Просушенный кирпич-сырец обжигали в горне в течение нескольких дней, постепенно повышая температуру нагрева от легкого до сильного жара. В результате кирпич приобретал высокую прочность. Такая технология требовала много дров.

Поначалу жгли остатки сгоревших в пожаре строений, потом был налажен подвоз леса с Волги. Плоты причаливали у подножия Ленкоранского спуска (район улицы Тухачевского). По нему от «лесной гавани» был устроен специальный желоб для подъема бревен. Видимо, для удобства подвоза дров многие кирпичные заводы стали размещаться ближе к волжскому склону.

Выработав одно «гнездо», рабочие начинали копать следующее. В результате каждый завод оказывался в окружении множества разнокалиберных ям.

Послепожарный строительный бум продолжался несколько лет. Но вот город отстроился, спрос на кирпич упал, были отменены льготы. Многие заводы стали закрываться, оставив после себя ямы. «На их местах, в неглубоких ямах, симбирские бедняки стали строить землянки, большие же и глубокие ямы оставались незакрытыми и даже не огороженными, почему в этой местности скоро стало опасно не только ездить, но и ходить, особенно в ночное время». Как выглядели эти «человеческие норы» [17], обиталища беспросветной нищеты, мы уже увидели из приведенной выше статьи.

Начиная с 1884 года городская дума озаботилась наведением порядка в этой местности. Как писал П.Л. Мартынов, «некоторые ямы засыпаны, некоторые огорожены, многие из землянок уничтожены, а обитателям их выданы пособия для переселения в какую-либо другую часть города, и дальнейшая постройка землянок воспрещена». Оставшимся обитателям Кирпичных сараев был дан 10-летний срок (до 1 января 1895 года) для переселения, а на это время установлена

небольшая плата за пользование городской землей. Видимо, отцы города полагали, что необходимость платить за аренду земли подтолкнет бедняков к скорейшим поискам другого жилья. Как справедливо заметил корреспондент «Волжского вестника», городская дума заняла выжидательную позицию, надеясь, что «землянки сами собою куда-нибудь исчезнут». Не исчезли. Через 10 лет Кирпичные сараи по-прежнему существовали, «так как обитатели их не в состоянии переселиться на другое место без пособия от города, город же не имеет средств помочь им в этом, в виду чего срок существования землянок в ямах пришлось отсрочить еще на 10 лет». Разумеется, ни это десятилетие, ни последующие ничего не изменили. Между тем город рос, раздвигались его границы, застраивались прежде не заселенные окраины. В 1913 году журнал «Симбирский городской вестник», рассказывая об «американском росте окраин», сообщал, что если в 1897 году в Кирпичных сараях насчитывалось 817 жителей, то в конце 1912-го там проживало уже 2843 человека. Очевидно, население Кирпичных сараев прирастало за счет людей, строивших в этой местности более добротные жилища. Но и «человеческие норы» никуда не делись. Городские власти, будучи не в силах изменить ситуацию не предпринимали никаких действий. Следует учитывать еще одно обстоятельство. Официальная статистика учитывала только зарегистрированных жителей, имеющих постоянное место обитания и хоть какие-то документы. А сколько в симбирских трущобах обреталось бродяг, дезертиров, беглых арестантов и прочего «беспашпортного» люда – можно только гадать. Подобно московской Хитровке, Кирпичные сараи укрывали воровские шайки, притоны, импровизированные ночлежки, места скупки и хранения краденого. Этот район нищеты и криминала, место обитания людей, не имеющих постоянных занятий и средств к существованию, заслуженно стал одной из постыдных страниц истории Симбирска. Хотя, наверное, в каждом российском городе имелись свои трущобы со своей особой спецификой. В Симбирске их обитатели в буквальном смысле жили под землей [18].

Ввиду специфики своей социальной демографии Симбирск к началу XX века отличался малым количеством пригородных беднейших поселений и

относительной стилистической однородностью мещанской застройки. Пространство Симбирска уже в начале рассматриваемого периода не было однородным. Полковник Генерального штаба А.И. Липинский в своем труде обозначает четко выраженные три части Симбирска: дворянскую часть – «богатую часть города», торговую и мещанскую (или беднейшую) части [19].

За 1861 год домовладельцами значатся 59 дворян (2,9% от числившихся в Симбирске), 125 купцов (31%), 871 мещанин (8%), 144 представителя иных сословий [20], всего домов в Симбирске числится – 2181 на 23593 человек горожан (доля – 1 к 9,2, то есть на 1 жилое строение приходилось 9,2 горожан) В 1884 в городе значится уже 4345 домов (на 38595 человек населения, доля 1 к 11,3) а в 1897 году – 4300 домов на 39881 человек (1 к 10,8) [21]. В 1912 году число домов – 4524, в 1916 – уже 4946 что дает нам относительную долю к числу жителей 1 к 59 и 1 к 64 соответственно [22].

Купечество, являясь в Симбирске малочисленным, но прогрессивным сословием, согласно исследованию Галимовой Л.Н [23] проживало во всех трех частях [24] в «дворянской» части имели дома чуть менее 30% купцов, в «торговой» 30,5% в мещанской части проживало 15,2%, и столько же не имели собственного жилья. К концу XIX в. основная масса купеческих домовладений была сосредоточена в дворянской и торговой частях города (84,3%) и лишь небольшая часть (15,7%) – в беднейшей (мещанской). Престиж и удобство богатой (дворянской) части города привлекали купечество и в дальнейшем [25]. В то же время купеческие дома строились и в мещанской части города [26].

Жилища купцов становятся первыми после казённых зданий и дворянских особняков, строящимися по проектам архитекторов [27].

Также в архивных документах содержатся ценные сведения о стоимости строительных работ, таких как подготовка фундамента, устройство подвала, кровельные, покрасочные, штукатурные работы и т. д., многие из которых относились уже к типично городскому строительству, неприменимому в традиционной практике [28]. Возрастание этажности также происходит в течение рассматриваемого периода особенно активно к началу XX века, хотя к 1900 году большинство

домов купеческих усадеб было одноэтажным либо смешанной этажности – одноэтажными с дополнительными надстройками (мезонины, антресоли и т. п.) [29].

Сведения о планировке городских усадеб дает основания полагать, что состав усадебных построек в группе купцов отличался разнообразием. Застройка обывательская в 1850–1900 гг. развивалась преимущественно путем постепенного вытеснения старых строительных материалов (солома, плетни) новыми под воздействием возрастания благосостояния горожан и, в особенности, норм строительного и пожарного уставов при сохранении традиционного типа жилищ – простого одноэтажного дома. Однако к началу XX в. количество изб (дома без фундамента) сокращается в пользу домов с сенями и «холодными службами», т.е. неотапливаемыми пристройками хозяйственного назначения. Сами жилища в своей массе представляли одноэтажный деревянный дом с крышей шатрового или конькового типа, часто – сруб, обитый досками, на деревянном фундаменте. Учитывая, что место строительства к концу XIX века часто представляло собой часть разделенного участка городской усадьбы, в документах того времени такие дома назывались флигелями.

В 1916 году в Симбирске была проведена продовольственная перепись населения, данные которой имеют большое значение для анализа экономического положения и жилищного вопроса в Симбирске в первые десятилетия XX века. Наибольшее внимание уделяется жилищному вопросу, а также делается упор на его исключительную актуальность для Симбирска. Подтверждение тому мы видим в динамике изменения населения – к началу XX века население города резко растет. В 1897 г. в Симбирске насчитывалось всего 41684 человек [30], к переписи 9 декабря 1912 г. население города возросло до на 25%, а ко времени продовольственной переписи 1916 г. уже почти на 40%. Наибольший рост наблюдался в заволжских районах (вдвое) и так называемых «кирпичных сараях» – вчетверо [31], причем этот район считался наименее благоприятным для жизни. Количество же жилых строений с 4524 в 1912 году к 1916 увеличилось до 4946, т.е. менее чем на 10%.

По данным переписи 1912 года плотность застройки, выраженная в отношении количества земли приусадебного участка к площади жилого помещения, отражает сильную застроенность центра и ожидаемое снижение плотности застройки к окраинам, хотя за 1909–1916 гг. уплотнение застройки в окраинных районах составило до 52%, что говорит о высоком притоке населения на окраины [32].

Таблица 1

Район	Число домовладений (жильцов) где на 1 кв. м. постройки приходится указанная площадь приусадебного участка, кв. м:			
	< 6,7	7 – 16,7	17 – 33,5	> 34
Центр	47	190	104	нет
Переходный	нет	72	535	170
Окраины	нет	нет	127	844

Как видно из приведенных данных, в центре вообще нет мест, где на 1 квадратный метр дома приходилось бы более 34 квадратных метров земельного участка. С учётом того, что в центре преобладали довольно крупные постройки, это естественно, однако не говорит о чрезмерной застроенности, что подтверждается планами города 1900 и 1913 годов. Переходные районы обладали при этом достаточным потенциалом для создания жилищного фонда для размещения вновь прибывающего населения [33]. Кроме того, неоднократно отмечалось исследователями о влиянии неблагополучных жилищных условий на санитарно-эпидемиологическое благополучие – при быстром росте городского населения для проживания часто переделывались непредназначенные для жизни помещения: подвалы, чердаки, неотапливаемые чуланы. Именно эту проблему исторически рассматривали в качестве основной проблемы, составляющей ядро жилищного вопроса в городах того времени. Многими исследователями жилищного вопроса отмечено, что неблагоустроенные жилища преобладали на окраинах и в пригороде [34].

По итогам проведенной переписи состояние жилищного вопроса в Симбирске признано неудовлетворительным. Таким образом, можно сделать следующие выводы. Во-первых, что жилищное строительство не успевало за темпами роста

населения города, создавая дефицит жилья; и во-вторых – имущественное положение горожан не позволяло создать ту планку платежеспособности, которая бы стимулировала спрос на такое строительство, которое могло вестись предпринимателями (владельцы доходных домов, усадеб и т. д.). Само жилищных условий для исследователей начала XX века отражает восприятие и мировоззрение того времени, которые не могли себе представить полноценной жизни без земельного участка – жилищные условия оцениваются исходя из состояния земельного участка и из состояния «квартиры», т.е. жилого помещения. Нормальным считался земельный приусадебный участок служить 400 кв. сажень при одном доме на 8 – 10 человек (сам такой дом в симбирских реалиях занимал площадь 15 – 25 кв. сажень, т.е. 50 – 83 кв. м.) [35], т.е. в среднем 20 кв. сажень (67 кв.м.) земли на 1 кв. сажень площади дома. В отчете симбирской городской Думы значилось, что «среди русских городов Симбирск является одним из первых, принявших новый способ устройства городских предприятий в виде доходных домов» [34]. Большая часть симбирских доходных домов строилась из дерева, каменные доходные дома возводили в основном на Большой Саратовской и Московской улицах, т.е. в самом центре города [35]. Рост городского населения на рубеже столетий активизировал направление строительства доходных домов в Симбирке. В усадьбах, перестраивавшихся в период с 1909 по 1912 годы, уплотнение застройки составляло 16% – в центральных кварталах и доходило до 52% в окраинных районах. На 1912 год в 41% квартир было отмечено перенаселение (в них проживало 47% всего населения), благоприятными для жизни было признано 26% квартир [36].

К началу XX века сложилось типовое представление о конструкции доходных домов Симбирске. Обычно это деревянный на каменном фундаменте (или с цокольным этажом) прямоугольный в плане дом на две или четыре квартиры, стоящий фасадом по улице. Фасад как правило не был декорирован. Часть доходных домов строилась поэтапно, из-за чего в городском пространстве возникают ассиметричные дома, иногда состоящие из разных по высоте частей, часто такие здания богато украшались крыльцами, резьбой, эркерами – для придания

стилистической общности. Одной из характерных проблем градостроительства конца XIX – начала XX вв. было сочетание старого и нового типа построек, сохранение среды. Верхняя набережная – Симбирская улица, идущая вдоль Волги, например, так же, как и улицы между северным и центральным районом города – Шатальная, Мартыновская, Смоленская, Малая Казанская, сочетали новые двухэтажные доходные дома, обывательские одноэтажные дома и редкие дома старой постройки [37].

Исходя из изложенного представляется, что жилой фонд горожан Симбирска второй половины XIX – начала XX века мог быть заметно дифференцирован по своим внешним признакам (стилистике, архитектуре), функциональному назначению исходя из сословного и имущественного положения владельца. При этом мы допускаем сходство форм и оценочной стоимости имений крестьян и мещан, располагавших сопоставимыми доходами, а также дворян и богатейшего купечества. И последнее, проанализировать имеющийся в источниках массив данных, различающихся по многим параметрам, наиболее корректно позволяют не сравнительные методы исторических дисциплин, а методы статистики.

Также следует отметить, что город Симбирск в рассматриваемый период был городом, реализующим в государственном смысле функцию административного центра, а в аспекте социально-экономическом – место, куда стремились попасть и закрепиться наиболее успешные торговцы, предприниматели, служащие, чиновники с довольно большой территории и что, именно культурная и ментальная характеристика именно этих социальных слоев составила ту матрицу социо – культурной среды Симбирска, в которую затем встраивались последующие переселенцы.

Список литературы

1. Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России / П.Г. Рындзюнский. Акад. наук СССР. Ин-т истории. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – С. 449.

2. Мартынов П.Л. Город Симбирск за 250 лет его существования: сист. сб. ист. сведений о городе Симбирске / П.Л. Мартынов. – Симбирск, 1898. – С. 190.

3. Тюрин В.А. Структура, численность и социальный состав городского населения Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в. / В.А. Тюрин // Вестник Самарского университета, 2013. – №8 (109): в 2-х ч. Ч. 2. – С. 92–98.

4. Аникин С.А. – Ярмарочная торговля как сфера приложения купеческих капиталов (на примере Симбирской губернии второй половины XIX – начала XX века): дис. ...канд. ист. наук. – Ульяновск, 2016.

5. Симбирская губерния (материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба; [т. 21]). Ч. 2 / А.И. Липинский; ред. М. Скрябин. – СПб.: Глав. упр. Ген. штаба, 1859, 1868. – С. 709.

6. Котова И.Г. Градостроительство и архитектура Симбирска второй половины XVIII – начала XX веков: дис. ...канд. искусствоведения. – М., 2006.

7. Аржанцев, Б.В. Архитектурная летопись Симбирска II половина XVII – начала XX века / Б.В. Аржанцев, М.Г. Митропольская – Ульяновск: Симбирская книга, 1994. – С. 56.

8. Глазычев В.Л. От сельской культуры к урбанизации / В.Л. Глазычев // Культура в советском обществе. – М., 1988. – С. 42.

9. Котова И.Г. Градостроительство и архитектура Симбирска второй половины XVIII – начала XX веков: дис. ...канд. искусствоведения. – М., 2006. – С. 42.

10. Кобозева З.М. Мещанская повседневность провинциальных городов России во второй половине XIX в. – начале XX в.: дис. ...докт. ист. наук. – Саратов, 2014. – С. 146.

11. Мартынов П.Л. Город Симбирск за 250 лет его существования: сист. сб. ист. сведений о городе Симбирске / П.Л. Мартынов. – Симбирск, 1898. – С. 109.

12. Список населенных мест Симбирской губернии. – Симбирск, 1913.

13. Кобозева З.М. Мещанская повседневность провинциальных городов России во второй половине XIX в. – начале XX в.: дис. ... докт. ист. наук. – Саратов, 2014. – С. 145.

14. Чепурнова Е.И. Городская периферия. Проблема стихийного роста территории Самары во второй половине XIX – начале XX в. / Е.И. Чепурнова // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология, 2020. – 26 (3). – С. 22–27.
15. Литературный и научно-популярный журнал «МИР БОЖИЙ». – СПб.: 1895. – №5. – С.235–236.
16. Литературный и научно-популярный журнал «МИР БОЖИЙ». – СПб.: 1895. – №5. – С. 237.
17. Публикация группы «Старый Ульяновск. Brandergofer». URL: <https://ulpressa.ru/2020/09/22/brandergofer-кирпичные-сарай-и-их-обитатели/> (дата обращения: 08.08.2021).
18. ГАУО Ф. 156, Оп. 2. Д. 1229. Документы по осмотру городских окраин для определения границ городских поселений в городах Симбирской губернии (планы, акты, рапорты, переписка).
19. ГАУО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1.
20. Тюрин В.А. Структура, численность и социальный состав городского населения Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в. / В.А. Тюрин // Вестник Самарского университета. – 2013. – №8 (109): в 2-х ч. Ч. 2. – С. 92–98.
21. Корнеева Ю.В. Социальный состав городского населения Симбирской губернии во второй половине XIX века / Ю.В. Корнеева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – №11(85) – С. 100–103.
22. Симбирская губерния (материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба; [т. 21]. Ч. 2 / А.И. Липинский; ред. М. Скрябин. – СПб.: Глав. упр. Ген. штаба, 1859, 1868. – С. 708–711.
23. Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–62 гг. – СПб.: Типография К. Вульфа, 1863. – Ч. II. – С. 909.

24. Список населенных мест Симбирской губернии [1897] / изд. Симбирского губ. стат. ком. – Симбирск: Губ. тип., 1897. – С. 41.

25. Продовольственная перепись 1916 г. в гор. Симбирске: в связи с данными переписи 1912 года: статистический сборник / Оценочно-стат. отд. Симбир. гор. управы. – Симбирск: Типо-лит. Губ. исполнит. комитета, 1917. – С.11.

26. Галимова Л.Н. К проблеме изучения жилых комплексов симбирского купечества (вторая половина XIX века) / Л.Н. Галимова // Вестник чувашского университета. Чебоксары, 2009. – №3. – С. 29.

27. ГАУО. Ф. 144. Оп. Д. 189. Л. 55–63.

28. Краткий обзор исторической застройки города Симбирска-Ульяновска. Ульяновск: Б.и., 1999. – С. 4.

29. Краткий обзор исторической застройки города Симбирска-Ульяновска. Ульяновск: Б.и., 1999. – С. 23–25.

30. Краткий обзор исторической застройки города Симбирска-Ульяновска. Ульяновск: Б.и., 1999. – С. 13–14, 35, 37.

31. ГАУО. Ф. 137. Оп. 40. Д. 486. Л. 4; Ф. 137. Оп. 34. Д. 1999. Л. 3; Оп. 40. Д. 493. Л. 4.

32. Краткий обзор исторической застройки города Симбирска-Ульяновска. Ульяновск: Б.и., 1999. 77. – С. 5–71.

33. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Симбирская губерния. – СПб., 1904.

34. Продовольственная перепись 1916 г. города Симбирска в связи с данными переписи 1912 г. Статистический сборник. – Симбирск, 1917. – С. 13

35. Продовольственная перепись 1916 г. города Симбирска в связи с данными переписи 1912 г. Статистический сборник. Симбирск, 1917. – С. 28.

36. Продовольственная перепись 1916 г. в гор. Симбирске в связи с данными переписи 1912 года: статистический сборник / Оценочно-статистическое отд. Симб. гор. управы. – Симбирск, 1917.

37. Справочная (Памятная) книжка и Адрес-календарь Симбирской губернии на 1868, 1901, 1908, 1910, 1914, 1916. Симбирск, 1868–1916. – С. 30.